

А. В. ХРЯКОВ

ГЕРМАН ГЕЙМПЕЛЬ

НЕТИПИЧНАЯ БИОГРАФИЯ НЕМЕЦКОГО ИСТОРИКА

Статья посвящена жизни и творчеству крупнейшего немецкого медиевиста Г. Геймпеля (1901–1988). Приняв с воодушевлением приход к власти в Германии нацистов, он посвятил свое творчество изучению истории средневекового рейха, рассматривая его как прообраз для нацистского «третьего рейха». После окончания Второй мировой войны Геймпель стал единственным историком, который признал ошибочность немецкого пути и собственного поведения.

Ключевые слова: Г. Геймпель, медиевистика, рейх, немецкая историческая наука, средние века, биография.

Согласно П. Бурдые, одна из главных опасностей при написании любого жизнеописания – так называемая «биографическая иллюзия», когда биография конкретного человека представляется, прежде всего, в диахроническом отношении, линейно, как некий вектор, направленный на достижение жизненной цели, строго определенного смысла существования. И задачей исследователя в таком случае является определение этой «глобальной интенции», разворачивающейся на протяжении всей жизни героя биографического повествования, стремящегося к осуществлению своего предназначения¹. Изучаемый персонаж в таком случае на всех этапах и всех этажах своего существования остается неизменным, равным самому себе, и самое главное – своей сверхзадаче.

Очевидно, что такая установка на детерминированность человеческого поведения стремится к своему воплощению особым образом, делая биографию человека «осмысленной», понятной на уровне здравого смысла, вследствие чего складывается ложное впечатление, что других вариантов прожитой жизни нет и быть не могло, как не может быть и разных трактовок этой самой жизни, тем более что, как это ни печально, все биографии заканчиваются констатацией неизбежного. Но если мы изменим ракурс нашего исследования, обратившись к началу процесса, мы обнаружим, что «в каждой исторической ситуации имеется некоторый спектр возможных вариантов поведения, актуализирующихся в зависимости от многочисленных и разнообразных условий и факторов, которые выступают на поверхности событий как случайности <...> Из

¹ Бурдые. 2002. С. 75–84.

ряда возможных альтернативных линий человек должен сделать выбор – действие же (или бездействие – пассивное действие) превращает потенциальное множество в реальное единство»².

История Германии в XX в., как никакая другая в Западной Европе, была наполнена подобными «точками бифуркации». 1918–1933–1945–1949–1990 – это вехи истории немецкого государства, выступившие цезурами не только в социально-политической жизни общества, но, прежде всего, в жизни конкретных людей, оказавшихся перед серьезным выбором, который был зачастую не просто сложным, а совершенно неподъемным, затрагивая самые интимные чувства и определяя отношения не только с близкими людьми, но и собственной совестью. Именно поведение людей науки было предметом, разгоревшегося в 1990-е оды в Германии нового «спора историков», который стал не столько дискуссией о прошлом, сколько полемикой о настоящем самой исторической профессии, о ее самосознании и профессиональной этике.

Толчком для нового спора историков послужили архивные находки начала 1990-х годов, вскрывшие «опасные связи» науки и политики, которые так или иначе уже были очевидны в трудах многих представителей западногерманской историографии. Чаще всего в ходе современного спора звучат фамилии таких историков как В. Конце, Т. Шидер, Г. Аубин, К. Эрдман, О. Бруннер. Их профессиональное становление пришлось на время Веймарской республики, первые научные достижения связаны с нацистским этапом немецкой истории, но в полной мере научно-организационный талант этих историков проявился в послевоенной Германии, что нашло отражение во всеобщем признании их заслуг как «отцов-основателей» современной немецкой историографии.

Одним из таких «академических магнитов», притягивающих в последнее время к себе все больше внимания, является выдающийся медиевист Герман Геймпель (1901–1988). Он стал признанным ученым еще до Второй мировой войны, но его подлинный талант организатора науки раскрылся лишь в Федеративной республике. Будучи профессором кафедры средневековой истории Геттингенского университета и одновременно ректором этого учебного заведения, Геймпель в 1953 г. стал Президентом западногерманской Конференции ректоров. С 1956 по 1971 гг. он возглавлял Институт истории им. Макса Планка (Max-Planck Institut für Geschichte) в Геттингене, в 1956–1957 гг. его рассматривали в качестве возможного премьера Т. Хойса на посту главы государства – Федерального президента Германии.

² Ретина. 1999. С. 97.

Современный интерес к фигуре Г. Геймпеля вызывают, прежде всего, два обстоятельства, неразрывно связанные с интересующей нас проблемой взаимоотношения немецких историков и государства в годы нацистской диктатуры и соотношения «памяти» и «забвения» в профессиональном дискурсе послевоенных историков. Став признанным специалистом по немецкой средневековой истории еще до прихода Гитлера к власти, Геймпель с радостью воспринял нацистскую «национальную революцию», поставив ей на службу свой талант ученого и преподавателя. Но, в отличие от большинства своих коллег по цеху, геттингенский профессор после войны назвал свое поведение недостойным, став фактически единственным историком открыто заявившим о виновности и ответственности немцев за фашистские злодеяния и призвавшим немецкое общество «преодолеть непреодоленное прошлое»³.

Второе обстоятельство связано с недоступностью материалов личного архива ученого. По распоряжению одного из его учеников – историка Г. Бокманна, архив Геймпеля в университетской библиотеке Геттингена закрыт для пользования на 30 лет после смерти историка, то есть вплоть до декабря 2018 г.⁴. Это чрезвычайно сужает источниковую базу и делает практически невозможным полноценное биографическое исследование. В отличие от большинства историков XX в., которым посвящены серьезные аналитические работы, творчество Геймпеля так и не стало предметом всестороннего анализа.

Сегодня вокруг персоны немецкого историка сложилась весьма непростая ситуация фактически, расколовшая немецкое историческое сообщество на два лагеря, где с одной стороны представлены ученики Геймпеля, формирующие идеальный образ своего учителя⁵, а с другой – их оппоненты, настаивающие на негативной оценке его поведения⁶. Но если первые обращают внимание, прежде всего, на послевоенную деятельность геттингенского профессора, обходя молчанием его сотрудничество с нацистскими властями (и прежде всего работу в Страсбургском университете), то вторые, напротив, принижая значимость послевоенного раскаяния Геймпеля, актуализируют нацистский этап его творчества. Но подобного рода подходы ведут к формированию абсолютно манихейского черно-белого образа историка. Характеристика его жизни

³ Борозняк. 1999. С. 36.

⁴ См. информацию на официальном сайте университетской библиотеки Геттингена: <http://www.sub.uni-goettingen.de>

⁵ Fleckenstein. 1989; Boockmann. 1990; Schulin. 1998.

⁶ Sommer. 2004; Matthiesen. 1998.

и творчества получается монохромной, лишенной массы переходных оттенков, теряется ситуация выбора, перед которым это поколение историков Германии оказывалось, пожалуй, так часто, как ни одно другое.

Жизнь историков Германии XX в. не укладывается в каноны традиционных биографий, изображающих жизнь ученого как смиренное выполнение высшей миссии – поиска истины. Существовало множество вариантов научного поведения историков в условиях «катастрофического» XX века, в зависимости от сочетания различных факторов, как собственно научных, так и имеющих к историографии опосредованное отношение. Это и фактор происхождения, выразившийся в социальном статусе, поколенческих и конфессиональных пристрастиях, отношение к определенной научной школе, а также особое понимание целей и задач исторической науки, ее роли и роли историка в жизни общества, все это делает невозможным однозначную оценку поведения Геймпеля, а его биографию нетипичной и потому необычайно интересной.

Немецкий историк родился 19 сентября 1901 г. в Мюнхене, в семье инженера-железнодорожника⁷. Начальное и среднее образование он получил в «Терезиен-гимназии», одной из лучших школ города, ориентировавшейся на изучение гуманитарных дисциплин, древних и иностранных языков. Однокашником и другом детства будущего историка был Альбрехт Хаусхофер (1903–1945), сын небезызвестного геополитика Карла Хаусхофера, сыгравшего значительную роль в становлении идеологической доктрины нацизма⁸. В силу возраста Геймпель не принимал участия в Первой мировой войне, которая стала своеобразной границей между тремя поколениями немецких историков, определявших развитие национальной историографии на протяжении в XX в. Поколение историков, родившихся в начале века (Г. Геймпель, Г. Франц, Т. Шидер, В. Конце и др.) застало войну в юном возрасте. Их менталитет был сформирован не столько бравурным началом войны, сколько осознанием поражения в ней. В воспоминаниях Геймпель характеризует отношение общества к тем, кто, как он, избежал военной службы:

Больше всего были ненавидимы и презираемы “восемнадцатилетние”. Достаточно было в трамвае только натолкнуться на кого-нибудь по ошибке и сразу же, накопленная за четыре военных года злорада обрушивалась на восемнадцатилетних <...> Да, восемнадцатилетние. Они, поскольку не умерли от гриппа,

⁷ Свое детство и юность Геймпель описал в автобиографическом романе «Скрипка ½», опубликованном в 1949 г. Здесь использовано издание: *Heimpel*. 1965.

⁸ За участие в покушении на Гитлера 20 июля 1944 г. А. Хаусхофер был арестован и в апреле 1945 г. расстрелян. В тюрьме он написал «Моабитские сонеты». После войны Геймпель посвятил другу детства «Слова памяти». *Heimpel*. 1995. S. 135–143.

были виноваты абсолютно во всем. Или они были молоды, и потому ни в чем не участвовали, или они были нахальными, так как их отцы были на фронте, и потому необходимо им теперь надрать уши. Или они шатались по казармам, творя революцию, и из-за них проиграли войну. Или (напротив) они были молодыми офицерами и продолжателями войны <...> В любом случае они были виноваты. Некоторые говорили также: “семнадцатилетние”! Они были, конечно, так же плохи, отрастили себе волосы ниже ушей. «Армии им не хватает» означало это тогда, особенно в деревне⁹.

Они не испытали фронтовых переживаний, их личностное становление проходило в добровольческих полувоенных формированиях, возникших в послевоенной Германии, как грибы после дождя. В многочисленных правых организациях, группах, кружках молодые люди того времени проходили социализацию, на что до недавнего времени практически не обращали внимания¹⁰. Эта молодежь была убеждена, что улучшение их жизненных перспектив связано с ревизией Версальского договора и возрождением былой мощи немецкого государства. Пережив войну в детском и юношеском возрасте, не испытав еще в полной мере жизненных невзгод, они не успели растратить романтической пылкости чувств. От старших поколений они отличались отсутствием даже малейшего намека на шпенглеровский пессимизм и благородным стремлением к действию. Но наряду с этими лучшими качествами в них присутствовали максимализм, скоропалительность суждений, нетерпимость к оппонентам, и именно эти качества стали наиболее востребованными в послевоенной Германии¹¹.

Молодой Г. Геймпель не остался в стороне от волны националистического угара, захлестнувшей всю страну, и прежде всего молодежь. В четырнадцать лет он стал членом «Баварского общества обороны»¹², а чуть позже вступил в «Юношеский штурмовой отряд»¹³. Уже после окончания войны, будущий историк вступает в «Баварский добровольческий корпус» (фрайкор) под командованием Эппа, с которым принимает участие весной 1920 г. в борьбе против «красных» в Рурской области¹⁴. Очевидно, именно эта контрреволюционная деятельность в рядах фрайкора, а также знакомство с семейством Хаусхоферов привели его 8 ноября 1923 г. в печально известную мюнхенскую пивную «Бюр-

⁹ *Heimpel*. 1965. S. 289.

¹⁰ *Mommsen*. 1989. S. 101, 226.

¹¹ *Schulin*. 1997. S. 165–188.

¹² *Heimpel*. 1965. S. 209.

¹³ *Ibid.* S. 259.

¹⁴ *Heimpel*. 1965. S. 284–285.

гербройкеллер», где во время выступления консервативного лидера Баварии Густава фон Кара начался «пивной путч» А. Гитлера.

События того вечера, а также следующего дня историк описал много позже в одном небольшом произведении «Сон в ноябре», которое должно было стать заключительной главой его воспоминаний о мюнхенском периоде собственной юности, но вышло в свет спустя десятилетия отдельным изданием¹⁵. Конечно воспоминания Геймпеля мало что дают для реконструкции событий самого «пивного путча», да и не в этом их ценность и предназначение. Ход гитлеровского путча исследован достаточно подробно на основе свидетельских показаний самих участников и невольных свидетелей этого спектакля, собранных специально для судебного разбирательства 1924 года. Образ горящей библиотеки где присутствуют не только охваченные огнем книги, но и дорогие историку люди, его друзья и учителя, стал метафорой рушащегося привычного мира молодого человека и первой попыткой уже признанного историка оценить значение этого события для собственной судьбы.

Историческое образование Геймпель получил в Мюнхене и Фрайбурге с 1920 по 1924 гг., где его учителями были известные специалисты по средневековой истории Германии Зигмунд Гелльман (1872–1942) и Георг фон Белов (1858–1927). В 1924 г. он защитил первую диссертацию под руководством фон Белова «Ремесло города Регенсбурга в эпоху средневековья», опубликованную чуть позже в «Ежеквартальнике социальной и хозяйственной истории»¹⁶. С 1924 по 1927 гг. молодой историк работал научным ассистентом на философском факультете Фрайбургского университета и для подготовки докторской диссертации прожил четыре года в качестве сотрудника и «сына в доме»¹⁷ известного историка церкви, профессора Генриха Финка (1855–1938), чьи дети погибли в Первой мировой войне. Под руководством Финка и при непосредственном участии фон Белова Геймпель защитил докторскую диссертацию «Король Сигизмунд и Венеция», став приват-доцентом и получив возможность преподавать в университете.

Но карьера историка развивалась очень стремительно. Вскоре после защиты диссертации своего ученика умер восьмидесятилетний Георг фон Белов. Его преемником на кафедре стал приглашенный из Кенигсберга Эрих Каспар (1879–1935), для которого местный университет был всего лишь промежуточной остановкой на пути в столицу. После

¹⁵ *Heimpel*. 1981. S. 521–525.

¹⁶ *Heimpel*. 1926.

¹⁷ *Heimpel*. 1995. S. 189.

перехода Э. Каспара в Берлин, Геймпель получил совершенно исключительное предложение занять бывшую кафедру своего учителя в родном Фрайбурге, кафедру на которой сам совсем недавно специализировался (Hausberufung). О своем приглашении Геймпель вспоминал: «То, что я, так рано, всего в 29 лет, получил заведование кафедрой – очень рано: так как вплоть до сегодняшнего дня мне не хватает годов обучения, годов архива, годов заграницы, языковой подготовки <...> – следует приписать тому обстоятельству, что среднее поколение <...> в результате первой войны этого столетия было значительно сокращено»¹⁸.

В 1928 г. Геймпель женился на Элизабет Михель (1902–1972), дочери тайного советника юстиции и члена правления акционерного общества «И. Г. Фарбениндустри». Она тоже училась во Фрайбурге (ее преподаватели: М. Хайдеггер, психолог Й. Кон, историк Г. Финке), в Геттингене она специализировалась у педагога Э. Венигера и отца современной «социальной педагогики» Германа Ноля, под руководством которого в конце 1927 г. защитила первую диссертацию «Просвещение. Историко-систематическое исследование»¹⁹. В их семье было пятеро детей, которые вслед за родителями восприняли основные установки «немецкой идеи образования», связав себя с наукой и высшей школой²⁰.

Таким образом, к началу 1930-х гг. Г. Геймпель достиг вершины научной иерархии в Германии, заняв одну из ведущих кафедр университета, среди его близких друзей и знакомых были не только молодые коллеги по семинару фон Белова – А. Берней и Р. Штадельманн²¹, но также признанные ученые: историк Г. Риттер, филолог В. Шадевальдт, искусствовед К. Баух и сам М. Хайдеггер. Из-за недоступности личного архива ученого до сих пор вызывают споры партийно-политические пристрастия историка в 1920-1930-х гг., являющиеся чрезвычайно актуальными в свете тех политических перемен, что произошли в Германии после прихода к власти Гитлера и его нацистской партии. В данном случае выводы можно строить исключительно на личных признаниях самого ученого и сообщениях его ближайшего окружения. В ходе денацификационного процесса, Геймпель сообщил, что и 6 ноября 1932 г., и 5 марта 1933 г. он голосовал за праволиберальную Немецкую народную

¹⁸ *Heimpel*. 1981. S. 41.

¹⁹ *Weber-Reich*. 1995.

²⁰ Дочь Э. Геймпель (Хубер) (1929), доктор философии; сын Г. Геймпель (1930), доктор медицины; дочь Э. Геймпель (Тройе) (1935); сын Кр. Геймпель (1937), доктор философии; сын В. Геймпель (1940), доктор философии.

²¹ См. воспоминания Геймпеля о друзьях: *Heimpel*. 1995. S. 155–163; 202–223.

партию (DVP), признанным оратором и активным членом которой был Г. Риттер. Но данные личного архива последнего сегодня обнародованы и опубликованы, и в этих материалах нет упоминания о том, что Риттер и Геймпель являлись политическими единомышленниками. Скорее напротив, Г. Риттер, один из немногих немецких историков, остался верен своим национально-консервативным убеждениям, основанным на прусско-протестантских традициях. Не приняв национал-социализм, он стал активным членом консервативного Сопротивления, участвуя в подготовке покушения на Гитлера 20 июня 1944 г., за что был арестован гестапо. Геймпель же, не являясь членом нацистской партии, с воодушевлением воспринял «национальную революцию» и не стеснялся сообщать об этом коллегам и ученикам. Приход к власти национал-социалистов развел представителей двух поколений немецких историков по разные стороны баррикад, что очень ярко проявилось весной 1933 г., в связи со сменой власти в городе и университете.

Еще в конце 1932 г. Сенат Фрайбургского университета избрал новым ректором доктора медицины, члена партии социал-демократов Вильгельма фон Мёллендорфа (1887–1944), его вступление в должность должно было состояться в апреле 1933 г., но начавшиеся в городе преследования социал-демократов не позволили ему продержаться у власти и пяти дней²². Сложившийся вокруг Шадевальдта, одного из ближайших друзей Геймпеля, «небольшой круг национал-социалистических профессоров» сделал все, чтобы отстранить Мёллендорфа от власти и провести на пост ректора М. Хайдеггера. Известный знаток биографии Хайдеггера Х. Отт среди лиц, способствовавших философу в его избрании, не называет имени Г. Геймпеля, но упоминает наиболее близких историку людей²³. Сам Геймпель никогда не скрывал своего отношения к Хайдеггеру. В речи по случаю смерти Р. Штадельманна (1951), Геймпель сказал: «наше тогдашнее сообщество, наряду с молодыми историками [имея в виду себя и Штадельманна], филологом Шадевальдтом и искусствоведом Баухом, испытало расцвет философии Хайдеггера и силу его личности»²⁴. Одну из своих работ переломного 1933 года историк посвятил «Мартину Хайдеггеру – ректору университета»²⁵.

Г. Геймпель не мог представить себя вне тех перемен, что произошли в Германии в 1930-е годы, стремясь не только зафиксировать,

²² Сафрански. 2005. С. 330.

²³ Отт. 1988. S. 141–143.

²⁴ Heimpel. 1995. S. 210.

²⁵ Heimpel. 1933.

но и принять в них активное участие, сделав свои во многом иррациональные и аффективные устремления общезначимыми. И роль обыкновенного статиста его никак не устраивала. «Мы ученые, заявил он, не являемся декораторами, которые вслед за строителями с помощью отделки делают дом немного красивее <...> Скорее всего, мы возводим его заново. Мы строим в наших сердцах из надежных камней беспощадного правдолюбия прошлую, настоящую, будущую Германию»²⁶. Эта фраза взята нами из так называемых «Двух вступительных речей к лекции» – работы Г. Геймпеля, долгое время остававшейся неизвестной и не включенной ни в один из библиографических указателей его работ. Этот текст впервые был обнаружен лишь в конце 1990-х годов в одной из частных коллекций историком М. Маттизеном, который опубликовал выдержки из него в своей работе²⁷. Во многом, именно обращение к этим «Речам» во вступительном слове Й. Фрида, председателя Союза немецких историков на съезде во Франкфурте-на-Майне в сентябре 1998 г., вызвало негодование учеников Геймпеля²⁸.

Автору данной статьи удалось без особого труда найти в «Немецкой библиотеке» (Deutsche Bücherei) в Лейпциге печатный вариант этих вступительных речей, прочитанных Геймпелем в 1933 г. Нельзя не согласиться с одним из инициаторов современного «спора историков» Гётцом Али, который утверждает, что новыми являются «не документы, а сама готовность к ним обратиться <...> Любой, кто держал в руках обсуждаемые источники, знает, что в большинстве они хранятся в Бундесархиве или Тайном прусском государственном архиве <...> они уже не один десяток лет могли бы стать предметом критического перечитывания. Интересно лишь то, почему никто этого не сделал»²⁹.

В своей первой речи «Май», открывавшей лекции летнего семестра, историк отметил «великие события марта», к которым, по всей видимости, относил выборы 5 марта 1933 г., и так называемый «День Потсдама» 21 марта. Именно эти события воспламенили в душе историка чувство восхищения национал-социализмом, которое он, вероятнее всего, впервые ощутил знаменательным вечером 8 ноября 1923 г. Возможно рукопожатие Гитлера и Гинденбурга в Гарнизонной церкви (день Потсдама), над могилой Гогенцоллернов стало стимулом для право-консервативного крыла немецких историков отказаться от предубежде-

²⁶ *Heimpel. Zwei Vorreden...* S. 7.

²⁷ *Matthiesen.* 1998.

²⁸ *Fried.* 1998. S. 869–873.

²⁹ *Aly.* 1999. S. 164.

ний в отношении национал-социалистического массового движения. «Благодаря мастерской режиссуре Геббельса первое заседание нового рейхстага в Потсдамской гарнизонной церкви превратилось во встречу “старой” Германии с “новой”»³⁰. Подчеркивалось, что ныне, разрушенная в 1918 г. прусско-германская имперская традиция была восстановлена. Прорыв в новое и восстановление былой связи времен – эти две прежде противоречивые оценки очень часто встречаются в высказываниях немецких историков того времени. Но оба этих полюса содержат в себе существенные элементы историко-политического сознания, как национал-социалистов, так и историков.

«Мы начинаем работу этого лета в потрясении перед лицом самой истории. Так как в эти каникулы с в е р ш и л а с ь и с т о р и я (разрядка по тексту – *А. Х.*) <...> Свершилось, воля немцев <...> объединилась, о чем не было слышно со времен первых лет канцлерства Бисмарка и вне полей сражения великой войны. Свершилось, немецкая нация сбросила с себя старые партийные формы, чье непостоянство больше не давало импульсов государственной жизни, а напротив сковывало преобразующую волю»³¹. Правительство Гитлера ликвидировало федеральные земли и запретило партии, достигнув тем самым «единства» – обязательно условия нового немецкого расцвета. Эти два комплекса идей и связанных с ними мер, осуществленных нацистами, были мечтой целого поколения. Идеал сильного, единого национального государства задавал те политические установки, которые способствовали идентификации значительной массы историков с национал-социализмом. «Земли немецкого рейха, – с радостью пишет Г. Геймпель, – фактически потеряли свой государственный характер».

Отныне иначе воспринимаются и задачи самой исторической науки, по словам немецкого медиевиста, «великие события марта взвалили на нашу работу новую ответственность»³². Геймпель пишет: «Историческая наука получает свои темы всегда от нового, от самой истории. Поэтому также для историка сегодня начинается новая эпоха. Кто со мной знаком, знает, что я не имею в виду стремление к вульгарной современности и поспешной актуальности; существует вечно присущая науке связь вопросов и методов; и разрыв научного континуитета никогда не являлся самоуничтожением науки. Но переживание великих исторических событий, заставляет нас обращаться к решающим вопросам

³⁰ Цит. по: *Фрай*. 2009. С. 45.

³¹ *Heimpel*. *Zwei Vorreden*... S. 3.

³² *Ibid*. S. 4.

истории, которые всегда являются также вечными вопросами»³³. Свое научное творчество молодой профессор четко ориентировал в направлении прагматической историографии. Большая часть работ, написанная им за двенадцать лет нацистского господства была представлена в форме докладов, посвященных, прежде всего, анализу роли немецкого рейха в истории средневековой Европы и значению франко-германского противостояния для становления современного Запада.

Общественно-политическую значимость этих тем доказывает неоднократное обращение к ним рейхсканцлера А. Гитлера, заявлявшего, что наряду с историей Древнего Рима, история германских императоров это «величайший эпос, который когда-либо видел мир». Но главное для нацистского главаря – практическая ценность средневековья, так как, по его словам, «если мы вообще намерены выступать с претензиями на мировое господство, то сослаться нам следует на историю германских императоров. Все остальное происходило совсем недавно, представляло собой дела весьма сомнительные, и успех их довольно условен»³⁴. В 1936 г. В. Франк, «фюрер немецкой исторической науки», в статье о «еврейском вопросе» заявил, что «великая идея и миссия», возложенная на немецкий народ, это Рейх, понимаемый не только как властный центр, но также как центр всех «областей бытия», и задача истории – прояснить опытом прошлых столетий самому народу и его окружению «путь немцев к Рейху и к миссии порядка этого Рейха в Европе»³⁵.

До 1933 г. Геймпель был, по преимуществу, историком хозяйства, естественно, не в марксистском или даже материалистическом смысле, но, тем не менее, он, будучи признанным знатоком средневековых текстов, в отличие от большинства своих коллег, обращал внимание и на экономическую обусловленность многих явлений европейской истории. В своей вступительной лекции во Фрайбурге в 1931 г. он, споря со своим учителем Г. фон Беловым, ссылается на М. Вебера, ему знаком сравнительный метод О. Хинце. Кроме того, хотя он не упоминает и прямо не ссылается на работу Марка Блока о «Королях-чудотворцах», из текста видно, что немецкий историк был с ней знаком не понаслышке³⁶. Но приход к власти нацистов радикально изменил иерархию научных интересов в историографии в целом. Занятие хозяйственной историей, даже в ее традиционном для Германии варианте, в политическом плане было

³³ *Ibidem*.

³⁴ *Дукер*. 1993. С. 74–75.

³⁵ *Frank*. 1937. S. 51.

³⁶ *Heimpel*. 1933. S. 35–36, 42.

совсем не безобидно. В государственных и партийных кругах за такими историками закреплялось клеймо «марксиста» и «социал-демократа»³⁷.

Один из учеников Геймпеля, оценивая научное творчество своего учителя, полагал, что после 1933 г. «разрыва не последовало, произошел лишь сдвиг, включение в новый контекст, а именно в имперскую мистику <...> нацистского происхождения»³⁸. Другой ученик историка Г. Бокманн, сравнивая своего учителя с Эрнстом Канторовичем и многими другими историками, утверждает, что они после проигранной войны и в результате падения монархии были «очарованы» Рейхом, но если Канторович из-за «внешнего принуждения» расстался с этим «внушением», то работы Геймпеля, по его мнению, необходимо рассматривать как раз в этом контексте³⁹. Действительно, знаменитая работа Канторовича является целиком и полностью результатом его раздумий над судьбами Германии после 1918 года, и книга «Император Фридрих II» была попыткой духовно воскресить потерянный «Рейх»⁴⁰. Но в случае с Геймпелем подобного рода причинно-следственная связь не просматривается, так как вплоть до прихода к власти национал-социалистов его интересы сосредотачивались в иной сфере. Лишь с 1933 г. место хозяйственной истории в его творчестве занимает более востребованная новыми властями тема: история Рейха и его идея.

Лекции зимнего семестра, Геймпель также начал с вступительной речи «Ноябрь», прочитанной им через два дня после новых выборов и референдума 12 ноября 1933 года. Немецкие граждане должны были задним числом утвердить решение нацистов о выходе Германии из Лиги Наций, они должны были ответить на вопрос «“одобряешь ли ты, немецкий мужчина, и ты, немецкая женщина, политику правительства своего рейха, готов(а) ли ты назвать ее выражением твоего мнения и твоей воли и торжественно заявить о своей поддержке этой политики?” 40,6 млн. чел. (95,1%) сказали “да”, около 3 млн. чел. ответили “нет” или сдали недействительные бюллетени»⁴¹. Результаты референдума стали предметом восхищения немецкого историка, но если в своих более ранних работах Геймпель восторгался исключительно результатами

³⁷ См. например казус, связанный с отказом предоставить кафедру в Лейпцигском университете Герману Аубину (1885–1969), обвиненному властями в «марксизме» из-за его социально-экономических интересов: *Briefe des Ostforschers Hermann Aubin...* 2008. S. 163–165.

³⁸ *Fleckenstein*. Op. cit. S. 35.

³⁹ *Boockmann*. Op. cit. S. 26, 58.

⁴⁰ Подробнее см.: *Хряков*. 2002. С. 78–98.

⁴¹ Цит. по: *Фрай*. Указ. соч. С. 71.

нацистской политики, то здесь он был очарован личностью Гитлера: «12 ноября 1933 г. тайным голосованием все немцы (остатки история не считает) выбрали Адольфа Гитлера своим фюрером к свободе, к новой Германии, к новому Западу. Мы <...> склоняемся сегодня перед фюрером, перед презрением к смерти, перед силой отречения от скорого благополучия, перед даром предвидения его свиты. Десятки, сотни, а затем тысячи вели непрестанную борьбу за улицу и массы, уничтожив классы и партии и объединив народ в обоснованной надежде и ясной воле»⁴².

В той же речи впервые проявился, как назвал его Э. Шулин, «антифранцузский аффект» исторических размышлений Геймпеля, ставший на долгие годы его «визитной карточкой»: «Мы верим, когда мы строим Германию, мы строим Запад. Мы верим в новую Германию. Поэтому мы верим в Запад. Мы сохраняем наши сердца готовыми для Германии и для Запада». И на собственный вопрос «где же находится Запад?», Геймпель отвечает: «Запад находится в Германии. Запад – это больше не Франция цивилизации, безопасности, восточных союзов и буржуазной страховки, чью страховую премию снова и снова оплачивает ослабленная Германия. Но Запад есть и будет Германией истины»⁴³.

Геймпеля не смущало сотрудничество с нацистскими властями, напротив, он связывал с ними надежды на восстановление былого могущества Германской империи и возвращение ей прежней роли в мире. По его мнению, целью Германии является лишь возвращение того, что было у нее несправедливо отобрано, на большее она не претендует. Историк постоянно подчеркивал исключительно мирный характер политики нацистов, в том числе и в отношении соседней Франции. Насколько Геймпель заблуждался, свидетельствует его доклад, прочитанный 14 июля 1939 г., то есть незадолго до начала Второй мировой войны. Он в очередной раз обрушился на агрессивные планы Франции, которые она пытается осуществить, начиная с 870 г., ведя борьбу за каролингское наследство. Помимо территориальных притязаний у западного соседа присутствует жажда духовной экспансии, но с приходом Гитлера к власти, эта борьба «враждующих братьев» закончится, так как Германия «благородно отказалась от немецкого реванша за Версаль»⁴⁴.

Вне всякого сомнения, мировоззрение Геймпеля в очень большой мере определялось националистическим образом мысли. «Народ» он определял как организм, который в соответствии со степенью своей

⁴² Heimpel. Zwei Vorreden... S. 6.

⁴³ Heimpel. Zwei Vorreden... S. 7-8.

⁴⁴ Heimpel. 1940. S. 229–243.

зрелости получает новые возможности самовыражения в условиях «третьего рейха». «Народ вернулся с войны, народ который больше не признает старых классов, народ, который в своем обнищании оставил все условности прошлого, народ, который, предчувствуя свое величие и свое будущее, лишь внешне смирился с поражением и поэтому был способен следовать за тем, кто его приведет к самому себе. Он научился видеть <...> прочные, ведущие, сохраняющиеся силы крови, ему снова открылось его германское происхождение как историческая сила, поддерживающая и распространяющая историчность немцев»⁴⁵. Это органическое понятие народа базируется на тезисе, согласно которому существует принципиальная сущностная разница между народами, проявляющаяся в общественном устройстве и типе государства. Согласно этому представлению, адекватной формой, выражающей внутреннюю суть немецкого народа, всегда был Рейх.

Начиная с 1933 г. в своих многочисленных работах ученый выступал за пересмотр немецкого средневековья в духе времени, то есть националистическим (*völkisch*) образом, когда «под гнетом нынешней судьбы» должно произойти коренное перетолкование истории средневекового рейха⁴⁶. Средневековая история разрабатывалась им для решения актуальных задач, прежде всего, легитимации политических целей. Как можно понять из многочисленных высказываний немецкого историка, он сознательно стремился к политической функционализации науки, он был убежден в том, что историческое познание должно служить настоящему, и требовал от исторической науки «найти тайные артерии нордического и германского рода в немецкой истории».

Истинным прообразом настоящего, третьего по счету рейха, для Геймпеля является средневековая Империя, воспринимаемая историком не иначе как «немецкая судьба». «Если при этом слово “Рейх” свою торжественность возьмет у образа первого рейха, то придет это не из ученого знания об “истинном характере” средневекового понятия империи, но политическая воля усвоит из звучания средневекового рейха как раз то, чем настоящий рейх должен быть: единство, господство фюрера, чистая государственность внутри и европейская миссия снаружи»⁴⁷. Обращаясь к известному спору немецких медиевистов XIX века о значении итальянских походов для эволюции немецкого национального государства, Геймпель считает, что сегодня продолжение этого спора

⁴⁵ *Heimpel*. 1941. S. 739.

⁴⁶ Цит. по: *Fleckenstein*. Op. cit. S. 34.

⁴⁷ *Heimpel*. 1933. S. 6.

бессмысленно. «Насколько масштаб национального государства вообще может подойти для средневекового немецкого феодального государства <...> Мы не хотим переключать наше сознание на вопрос о немецко-итальянской имперской политике, но мы спрашиваем о сущности немецкого средневекового государства вообще, только так мы поймем судьбу, которую он нам предоставил»⁴⁸.

Результатом его собственного исследования сущности средневекового немецкого государства было чествование политики Оттонов и Салиев. Их итальянская политика не только внесла вклад в умиротворение европейского континента, но была также проявлением исключительно немецкой способности к созданию и поддержанию европейского порядка. Используя свой излюбленный прием сравнения человека германского типа с его антагонистом – человеком романского типа, немецкий историк заявляет о присущей романским народам тенденции к анархии. «Все народы – датчане и поляки, чехи и венгры, греки и итальянцы, и конечно же французы, снизу вверх смотрели на немцев, пытаясь найти помощь власти в собственной разобщенности, выбирая силу превосходящей государственной и церковной организации»⁴⁹. В этом государстве, говоря о Священной Римской империи, раскинувшейся на территории всей центральной Европы, Геймпель уточняет, господствовал одновременно принцип порядка. Служба миру, а не господство над ним, была содержанием Рейха. «Немцы были великими распорядителями (Ordner) среди европейских государств». Но рейх – это не только распорядитель, он также первый опекун всех желаний человека, его власть соответствует потребностям тогдашнего человечества как такового и поэтому для Геймпеля, немцы – это «всемирный народ»⁵⁰.

Рассматривая высказывания немецкого историка о своеобразном предназначении немецкого народа быть «распорядителем» и «опекуном» остальной Европы, можно отметить его явную попытку защитить «империалистическую» внешнюю политику. С одной стороны, он ссылается на особое национальное, фелькишское своеобразие немцев, с другой стороны, на не совсем четко определяемую имперскую идею, понимая ее метафизически. Но как первое, так и второе объяснение немецкой сущности практически никак не подтверждаются им с помощью документов. Кроме того, Геймпель не останавливается и перед рекомендацией прямых политических действий. По его мнению, современ-

⁴⁸ Ibid. S. 8.

⁴⁹ Ibid. S. 9.

⁵⁰ Ibidem.

ная мирная Европа требует стабильного немецкого Рейха, ссылаясь на пример средневековья. «Три столетия власти не забываются»⁵¹.

В 1941 г., после завоевания Франции, Геймпель с радостью принял приглашение возглавить кафедру средних веков в только что открытом Имперском университете Страсбурга⁵². Одного профессионализма для приглашения в учебное заведение подобного рода было явно не достаточно. По словам ректора Карла Шмидта, «при занятии страсбургских кафедр необходимо добиваться того, чтобы из имеющихся в распоряжении немецких ученых выбирались те люди, которые уже давно осознанно и с радостью, добровольно и с готовностью, всей своей личностью, своей наукой и своим желанием встали на службу и под мировоззрение национал-социализма»⁵³. Позднее он с гордостью констатировал, что ему удалось собрать «верных Гитлеру людей», а философский факультет ярче всех продемонстрирует «боевой характер» университета и его «ориентацию против Запада»⁵⁴. Подбором историков занимался «декан-основатель» философского факультета, известный нацистский историк Эрнст Анрих (1906–2001)⁵⁵. Эльзас, согласно Анриху, должен стать «сознательной и духовно неприступной для чуждых культур немецкой пограничной маркой»⁵⁶. После войны, от которой он ожидал прекращения «воздействия западно-европейского духа на немецкий народ», университет должен был способствовать продвижению идеи европейского порядка, спланированной немецким Рейхом.

Для демонстрации националистических антизападных воинственных целей нового университета Геймпель подходил как нельзя лучше. Изучая историю средневековой Европы, историк изображал Германию жертвой империалистических устремлений Франции, в то время как немецкие правители, по его мнению, в своей политике всегда «заботились об угодном Богу состоянии мира». Возможность работать в окку-

⁵¹ *Heimpel*. 1933. S. 32.

⁵² Подобные Имперские университеты (*Reichsuniversitäten*) были основаны также в Познани и Праге, их целью было националистически ориентированное исследование приграничных с Германией областей. См.: *Hausmann*. 2008. S. 578–584.

⁵³ *Schmidt*. 1941. S. 682.

⁵⁴ Цит. по: 1996. S. 250.

⁵⁵ Уже в 1930 г. Анрих стал одним из руководителей Национал-социалистического немецкого студенческого союза, но после конфликта с фюрером немецкой молодежи Бальдуром фон Ширахом его исключили из партии; вплоть до краха фашистского режима он безуспешно добивался своего восстановления в нацистской партии. Подробнее см.: *Kettenacker*. 1968. S. 140–152.

⁵⁶ *Anrich*. 1936. S. 12.

пированном Эльзасе, практически на линии фронта, как в военном, так и духовном смысле, Геймпель воспринял как «подарок неба»⁵⁷. В статье «Исследование немецкого средневековья в немецком Эльзасе», названной его учениками «страсбургской программой», Геймпель размышляет об основных задачах и направлениях средневековых исследований, предлагая «перерисовать» образ средневековья «под имперским углом зрения». Он признает, что «история первого Рейха завершилась», но сама идея Рейха не умерла. «Его вечный смысл осуществляется и обновляется на наших глазах». Заложенный еще Генрихом I и осуществленный немецкими императорами европейский порядок противостоит «современной системе мнимого равновесия, в которой окраины Европы объединились за счет немецкого центра». На этой же имперской основе покоится и порядок современной Европы. «Этот Рейх также является порядком Европы из ее центра. Своей кровью он защищает прошлое и будущее Европы от мира варваров, которым неведомо прошлое. Этому новому Рейху служат учения новых эпох, те средства и достижения, которые отсутствовали у наших императоров <...> Императорская кавалькада редко показывалась среди крестьян и горожан, слово фюрера проникает в самые удаленные хижины. С трудом плелась королевская свита, мотор покоряет пространство, которое сдалось немцам»⁵⁸.

В ходе новой войны Германия в полной мере продемонстрировала, что за «порядок» ждет Европу «из ее центра». Эта «власть порядка» обрекла как Европу, так и саму Германию на гибель и раскол, переживаемый многими немецкими интеллектуалами как «немецкая катастрофа» (Ф. Мейнеке). Для Геймпеля крах «третьего рейха» означал также личный крах, и не столько ввиду необходимости покинуть Страсбург, сколько из-за разрушения собственной картины мира, в которой Рейх занимал центральное место. Очередные поиски «самого себя» историк начал в ночь на Рождество 1944 года, в геттингенском доме известного историка З. А. Келера, который приютил многочисленное семейство Геймпеля, бежавшее из Страсбурга⁵⁹. Свои размышления он облек в форму воспоминаний о детстве, проведенном в Мюнхене. Немецкий историк обращается к счастливым детским переживаниям накануне Первой мировой войны, демонстрирует мир семейного порядка, устойчивость и неизменность фамильных норм и ритуалов, в число которых входят посещения церкви и многочисленных мюнхенских картинных

⁵⁷ Heimpel. 1941. S. 740.

⁵⁸ Heimpel. 1941. S. 742.

⁵⁹ Heimpel. 1957. S. 7.

галерей, путешествия в горы и послеобеденные игры с друзьями, и конечно же регулярные занятия со скрипкой. Но за этой яркой картиной кроется некая апатия, выраженная одной емкой фразой «мир утонул»⁶⁰.

Поражение нацистской Германии во Второй мировой войне лишь отчасти привело к осознанию немецким обществом всей глубины падения национального духа и культуры в последнее «коричневое» десятилетие. За немногими исключениями, смысла «немецкой катастрофы» не поняли. Первые послевоенные годы, связанные с демилитаризацией и денацификацией, проводимой оккупационными властями, не слишком располагали к серьезному переживанию случившегося. Напротив, преобладала тенденция рассматривать гитлеровский режим как природное бедствие, катаклизм, возникновение которого не зависит от воли и желания людей. Нежелание беречь прошлое проистекало как из стремления частных лиц предстать перед новыми властями в роли непричастных, так и из общего желания поскорее забыть собственный «сон разума» – слишком велика была плата за «очарование Гитлером».

В этой ситуации Геймпель стал одним из немногих немецких историков, кто осмелился говорить о гитлеровской эпохе и ее роли в общегерманской истории. Признавая собственную вину и вину своего поколения, немецкий историк призывал ни в коем случае не забывать о тех ужасах, что принес с собой нацизм. По его мнению, чувство вины может воздвигнуть «барьер между нами и прошлым – барьер вины»⁶¹. Вне всякого сомнения, Г. Геймпель до конца жизни остро ощущал это чувство вины. В этой связи, он часто вспоминал своего учителя З. Гельманна, чью кафедру в университете Лейпцига он занял в 1934 г. Ученики Геймпеля считают, что ему не в чем себя упрекать, что он поступил единственно возможным в тех обстоятельствах способом: не желая эмигрировать, принял приглашение в Лейпциг, а затем в Страсбург⁶².

Но сам Г. Геймпель не боялся признавать свою ответственность за все, что он сделал или, напротив, не сделал в годы «третьего рейха». Ощущение вины возникает как раз в тот момент, когда понимаешь, что у тебя был выбор, когда собственная жизнь перестает быть векторно направленной и предзаданной, когда осознаешь возможность альтернативного поведения. Пожалуй, искренне любящие и почитающие ученики, лишая жизнеописание своего учителя совершенно естественных проявлений сомнений, слабости, неуверенности, как никто другой спо-

⁶⁰ *Heimpel*. 1965. S. 277.

⁶¹ *Heimpel*. 1959. S. 5.

⁶² *Boockmann*. Op. cit. S. 16, 25.

собствуют формированию пресловутой «биографической иллюзии», забывая при этом, что возможность находиться рядом с великим человеком – не только дар и привилегия, но и значительная ответственность.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Anrich E.* Universitäten als geistige Grenzfestungen. Stuttgart, Berlin: Rohlhamer, 1936. 25 s. Briefe des Ostforschers Hermann Aubin aus den Jaren 1910–1968 / Hrsg. Von E. Mühle. Marburg: Herder-Institut, 2008. 610 s.
- Frank W.* Deutsche Wissenschaft und Judenfrage. Hamburg: Hanseat. Verl.-Anst., 1937. 51 s.
- Heimpel H.* Das Gewerbe der Stadt Regensburg im Mittelalter. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1926. 328 s.
- Heimpel H.* Der Staat des abendländischen Mittelalters // *Heimpel H.* Deutschlands Mittelalter - Deutschlands Schicksal. Zwei Reden. Freiburg in Breisgau, 1933. (Freiburger Universitätsreden. H. 12).
- Heimpel H.* Zwei Vorreden zu Vorlesungen. o. O. o. D. (Freiburg in Breisgau, 1933).
- Heimpel H.* Frankreich und das Reich // Historische Zeitschrift. 1940. Bd. 161. S. 229–243.
- Heimpel H.* Die Erforschung des deutschen Mittelalters im deutschen Elsaß // Straßburger Monatshefte. 1941. 5 Jg. H. 11. S. 738–743.
- Heimpel H.* Der Mensch in seiner Gegenwart. 2. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1957. 231 s.
- Heimpel H.* Über Geschichte und Geschichtswissenschaft in unserer Zeit. Vortrag, gehalten auf der 8. Vortragsveranstaltung der Niedersächsischen Landesregierung am 19. Februar 1959. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1959. 28 s.
- Heimpel H.* Die halbe Violine. Eine Jugend in der Haupt- und Residenzstadt München. München, Hamburg: Siebenstern-Taschenbuch, 1965. 302 s.
- Heimpe H.* Traum im November // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Bd. 32. 1981. S. 521–525.
- Heimpel H.* Reden gehalten am 19. Oktober 1981 in der Aula der Georg-August-Universität in Göttingen zur Feier des 80. Geburtstags von Hermann Heimpel am 19. September 1981 / Hrsg. vom Max-Planck-Institut für Geschichte. Göttingen, 1981. S. 41–47.
- Heimpel H.* Aspekte. Alte und neue Texte / Hrsg. von S. Krüger. Göttingen: Wallstein, 1995. 464 s.
- Schmidt K.* Form und Wollen der Reichsuniversität Straßburg // Straßburger Monatshefte. 1941. 5 Jg. H. 10. S. 681–687.
- Борозняк А. И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999. 288 с.
- Бурдые П.* Биографическая иллюзия / Перевод и комментарий Е. Мещеркиной // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 75–84.
- Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. И.В. Розанова / Общ. ред. вступ. статья и предисл. И. М. Фрадкина. Смоленск: Русич, 1993. 496 с.
- Репина Л. П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999. / Под ред. Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова. М.: РГГУ, 1999. С. 76–100.

- Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время / Пер. с нем. Т. А. Баскаковой при участии В. А. Брун-Цехового; вступ. статья В. В. Бибикина. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. 614 с. (Жизнь замечательных людей).
- Фрай Н.* Государство Фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. 256 с.
- Хряков А. В.* «Тайная Германия» Эрнста Канторовича // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 78–98.
- Aly G.* Theodor Schieder, Werner Conze oder Die Vorstufen der physischen Vernichtung // Deutsche Historiker im Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Schulze und O. G. Oexle. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1999. S. 163–182.
- Boockmann H.* Der Historiker Hermann Heimpel. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. 70 s.
- Fleckenstein J.* Gedenkrede auf Hermann Heimpel // In memoriam Hermann Heimpel. Göttingen, 1989. (Göttinger Universitätsreden. H. 87.).
- Fried J.* Eröffnungsrede zum 42. Deutschen Historikertag am 8. September 1998 in Frankfurt am Main // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1998. H. 10. S. 869–873.
- Hausmann Fr. R.* Reichsuniversität Straßburg // Handbuch der völkischen Wissenschaften. Personen – Institutionen – Forschungsprogramme – Stiftungen / Hrsg. von I. Haar, M. Fahlbusch. München: K. G. Saur, 2008. S. 578–584.
- Kettenacker L.* Kontinuität im Denken Ernst Anrichs. Ein Beitrag zum Verständnis gleich bleibender Anschauungen des Rechtsradikalismus in Deutschland // Paul Kluge zum 60. Geburtstag. Dargebracht von seinen Schülern / Hrsg. von D. Rebentisch. Frankfurt am Main, 1968. S. 140–152.
- Matthiesen M.* Verlorene Identität. Der Historiker Arnold Berney und seine Freiburger Kollegen 1923–1938. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. 131 s.
- Mommsen H.* Die verspielte Freiheit. Der Weg der Republik von Weimar in den Untergang 1918 bis 1933. Berlin: Propeläen, 1989. 580 s.
- Ott H.* Martin Heidegger. Unterwegs zu einer Biographie. Frankfurt am Main, New York: Campus, 1988. 355 s.
- Schulin E.* Weltkriegserfahrung und Historikerreaktion // Geschichtsdiskurs. Bd. 4: Krisenbewußtsein, Katastrophenerfahrungen und Innovationen 1880–1945 / Hrsg. von W. Küttler, J. Rösen, E. Schulin. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1997. S. 165–188.
- Schulin E.* Hermann Heimpel und die deutsche Nationalgeschichtsschreibung. Heidelberg: Carl Winter, 1998. 121 s.
- Sommer K. P.* Eine Frage der Perspektive? Hermann Heimpel und der Nationalsozialismus // Historisches Denken und gesellschaftlicher Wandel. Studien zur Geschichtswissenschaft zwischen Kaiserreich und deutscher Zweistaatlichkeit / Hrsg. von T. Kaiser, St. Kaudelka, M. Steinbach. Berlin: Metropol, 2004. S. 199–226.
- Wolf U.* Litteris et patriae: das Janusgesicht der Historie. Stuttgart: Steiner, 1996. 518 s.

Хряков Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; alexchryakov@yandex.ru